

БРИТИШ ГРЕНАДИР

Молодой офисный работник легкой походкой движется между рядами рабочих мест и замедляет шаг у одного, расположенного с краю. Юноша немного наклоняется вперед и легонько толкает в спину склонившегося над клавиатурой человека.

Александр, молодой мужчина лет тридцати, поднимает голову со сцепленных в замок рук и обводит сонными глазами пространство вокруг.

– Проснись и пой! – раздается над его ухом бодрый голос. – Неужели спишь на рабочем месте? Тогда хорошо еще, что это я тебя разбудил...

Саша поправляет волосы на голове и поворачивается к молодому человеку, который стоит рядом и вопросительно смотрит на него.

– Да сам не знаю, вроде глаза только на минуту прикрыл, – виновато говорит Саша, после чего делает вялую попытку потянуться. Затем он берет со стола кружку, задумчиво заглядывает в нее, делает глоток, отчего сразу же морщится.

– Ты чего такой сонный? – с интересом спрашивает Сашу молодой человек.

– Сегодня приезжает мама, чтобы отдохнуть здесь неделю-другую. Я наводил порядок в другой квартире, остался там ночевать, но спать там оказалось невозможно: соседи не дают.

Молодой человек понимающе кивает, Саша тем временем продолжает.

– Она семь лет в России не была, с тех самых пор, как вышла замуж в Лондоне: хотела получить там гражданство. А сегодня возвращается: поеду ее встречать.

– Так это же здорово! – восторженно говорит молодой человек. – Воссоединение семьи и все такое прочее, разве нет? Из-за чего ты тогда волнуешься?

– Да так... – Саша задумчиво поводит кружкой в воздухе. – Отчима вот в первый раз увижу.

– Что же ты, совсем и не знаешь про него ничего?

– Почему же, знаю кое-что. Зовут его Уильям Джеймс Пауэлл. Она называет его Вилли, – Сашу немного передергивает. – Пенсионер, всю жизнь проработал лондонским фотографом.

Он смотрит на ухмыляющееся лицо приятеля, а тот вдруг, спохватившись, бросает взгляд на наручные часы, выпрямляется и разворачивается, чтобы уйти.

– Ну ладно, мне самому нужно идти. Удачи тебе сегодня! – говорит он, прежде чем исчезнуть из виду.

Саша кивает ему, потом делает еще один глоток из чашки, снова морщится, но уже не так сильно, оборачивается к окну, за которым колыхается зеленая листва деревьев, а затем поправляет кресло и всматривается в экран компьютера.

На табло прилета высвечивается информация о различных авиарейсах.

Саша отводит усталый взгляд от табло и отправляется к нужному сектору.

Напротив выхода стоит гудящая толпа встречающих: некоторые держат в руках таблички, другие разговаривают по телефону или ходят взад-вперед, стараясь размять ноги.

Саша осматривается и останавливается чуть в стороне от толпы. Он рассеянно проводит рукой по волосам, всматриваясь в людской застыв, когда сзади его неожиданно обнимают чьи-то пухлые руки.

– Сашенька! – раздается восторженный женский голос.

Удивленный Саша освобождается из объятий, разворачивается и видит перед собой невысокую полную женщину средних лет, которая со счастливой улыбкой смотрит на него снизу вверх.

Саша радостно улыбается и слегка наклоняется вперед, чтобы обнять свою мать. Та целует его в щеку и крепко прижимается к нему.

– Здравствуй, мама.

– Сашенька! – вновь повторяет она и отнимает от себя. – Дай хоть посмотреть на тебя! Как возмужал, ну вы посмотрите! Ну а как я рада тебя видеть!..

Глаза ее становятся мокрыми от слез, готовых хлынуть наружу, и она вновь прижимает Сашу к себе, а он, легонько посмеиваясь, целует ее в щеку.

– Да что же это я, – говорит Сашина мама.

Она отстраняет сына от себя, быстро смахивает появившиеся на глазах слезы и поворачивается назад.

Чуть позади нее стоит пожилой мужчина небольшого роста с окладистой седой бородой, но еще не поседевшими темными волосами. Сочетание этого с бирюзово-голубыми глазами делает его больше всего похожим на какого-то средневекового короля. Рядом с ним стоит пара небольших чемоданов.

– Это Уильям, – мама представляет мужчину Саше.

Король делает шаг вперед и протягивает Саше руку для пожатия. Тот, слегка помедлив, пожимает ее. На теплую улыбку англичанина и слова приветствия Саша отвечает слабой полуулыбкой, которую мать как будто и не замечает.

Прижав руки к груди, она со стороны наблюдает за мужчинами, а когда приветствия заканчиваются, берет Сашу под руку и тянет за собой к выходу, на ходу заговаривая с ним о чем-то, потом сразу же поворачивается к Уильяму, сообщает что-то ему и заливается звонким радостным смехом. Англичанин смущенно улыбается себе в бороду, а Саша отвечает матери легким мотанием головой, тоже улыбается и берет у нее из рук сумку.

Толпа позади них гудит, кто-то громко радуется долгожданной встрече, под потолком раздается голос диктора, сообщающий о прибытии нового рейса.

Саша помогает отчиму положить чемоданы в багажник машины, захлопывает багажник и помогает матери сесть в салон.

– Спасибо, – сквозь смех говорит она, когда он открывает перед ней дверь. – Какой ты у меня галантный, прямо как Уильям.

Как только все рассаживаются, Саша заводит машину и ведет ее к выезду с парковки. Мама на заднем сиденье с интересом всматривается в пейзаж за окном.

– Подумать только: семь лет не была в России! Нет, я даже представить этого себе как-то не могла... – грустно говорит она, а затем наклоняется вперед, к сыну: – Саш, мы ведь все равно через центр поедем, так давай город еще посмотрим, пока добираемся.

Машина выезжает с парковки и движется по шоссе.

Сашина мама откидывается на спинку кресла и смотрит на сидящего рядом мужа. Тот завороженно наблюдает за проплывающим за окном пейзажем и широко улыбается, заметив обращенный к нему взгляд.

– Я в самолете все рассказывала Уильяму, как мне хочется увидеть, что здесь теперь нового, – обращается мама к Саше.

– Хорошо, – просто отвечает он, глядя в зеркало заднего вида на прильнувшего к стеклу англичанина.

Машина движется по улицам города, приближаясь к центру.

Они проезжают мимо памятника Юрию Долгорукому, мимо Кремля, мимо Большого театра.

Картина за окном ежесекундно вызывает у англичанина приступы восторга. Он издает негромкие восклицания, указывая на достопримечательности, делится впечатлениями с Сашиной мамой, которая с таким же интересом смотрит в окно и выглядит невероятно счастливой.

Саша и сам невольно улыбается, наблюдая в отражении зеркала заднего вида за детским восторгом своих родителей.

Машина проезжает по улицам Ногинска, движется мимо электро-механического завода и останавливается у подъезда блочной пятиэтажки, окруженной рукотворными садиками. На лавочке напротив подъезда расположились трое местных алкашей, собираясь отдохнуть.

Саша глушит мотор, выходит из машины сам и помогает выбрать маме. Вместе с Уильямом они достают из багажника чемоданы.

Самый худой из алкашей, сидящих на лавочке, первый замечает подъехавшую машину. Он толкает локтем своего соседа, после чьего недоуменного взгляда молча кивает в сторону машины. Тогда второй алкаш сразу же толкает третьего, самого толстого, и тоже кивает в сторону Саши и его гостей.

– Гляди-ка, – задумчиво говорит худой. – Это чего, Валентина, что ли? Вернулась из этой, из Англии?

Алкаши вместе делают попытку сфокусировать взгляд на машине, и вскоре у них рождается новый вопрос.

– А кого это она привезла? – подозрительно спрашивает второй гуляка.

К подъезду подходит Саша с чемоданом и сумкой в руках.

Самый толстый из трех забуддыг неловко слезает со скамейки и подходит вплотную к Саше.

– Я тебе сколько раз говорил, – угрожающе произносит он и разминает плечо. – Не ставь машину на это место, а то мозги тебе... вышибу. Вышибу, да. Слышишь?

Саша бесстрастно смотрит в налитые кровью глаза и собирается что-то сказать, когда внезапно сзади раздается деликатное покашливание.

Саша оборачивается: позади него оказывается Уильям с другим чемоданом, а рядом стоит Сашина мама.

– Мм, – в замешательстве произносит она, оглядывая собравшихся. – Здравствуйте.

Двое алкашей, оставшихся сидеть на лавочке, с интересом разглядывают Валентину и ее мужа.

Англичанин поднимает брови и невозмутимо оглядывает всех. После чего возглавляет процессию, обходит лавку и идет по направлению к входу в подъезд. За ним идет Сашина мама, взяв сына под руку и уводя подальше от надувшегося толстяка.

Саша подходит к фортепиано в большой комнате своей квартиры. Открывает крышку и начинает одним пальцем наигрывать простую мелодию.

Уильям с довольным выражением на лице сидит за накрытым столом с рюмкой коньяку в руке, мама тем временем что-то ищет в серванте, тихонько посмеиваясь.

– Чего ты смеешься? – рассеянно спрашивает ее Саша, отвлекаясь от фортепиано.

– Да Уильям сказал, что с удовольствием остался бы жить в России, потому что здесь смешные налоги, отличный недорогой коньяк и прекрасная жареная говядина.

Саша с сомнением смотрит на англичанина, который отправляет себе в рот очередной кусок мяса.

– Саша, представляешь, Уильям сейчас прилетел в Россию, а ведь его дед, прапрапрадед, уже давно был в России.

– Когда же это? – Саша удивленно поднимает брови.

– Ему пришлось воевать в Крымскую войну, и он даже пробыл какое-то время в плену. У них в семье ходит такая легенда, что какой-то русский сохранил ему жизнь, после чего они были очень близки. Ты можешь себе представить такое? – спрашивает мама, протирая тарелку.

Саша изумленно смотрит в сторону англичанина. Уильям все это время дружелюбно наблюдает за ним, а теперь салютует в его сторону рюмкой коньяка.

Саша с задумчивым видом отворачивается к фортепиано и начинает наигрывать мелодию заново.

Саша и Уильям сидят за столом в большой комнате.

Тарелки давно опустели, от бутылки коньяка уже практически ничего не осталось.

Саша молча катает хлебный катушек по тарелке. Неожиданно Уильям начинает что-то тихо бубнить себе под нос. Саша внимательно вслушивается в мелодию.

– Что вы поете? – с интересом спрашивает он.

– Это моя любимая песня, ее пели еще мои деды, – отвечает ему Уильям с сильным акцентом. – Это... марш... английский гренадер.

Саша поднимает брови, на мгновение задумывается о чем-то, потом неожиданно резко встает из-за стола и садится за фортепиано.

– Спойте погромче, а я вам подыграю.

Это предложение вызывает у англичанина восторг, он сам поднимается из-за стола и подходит к Саше. Из-за двери появляется мама в очках, она держит в руках книжку. Заметив, что ее сын сел за фортепиано, а муж готовится петь, она широко улыбается и садится за стол, чтобы их послушать.

Саша негромко подбирает аккорды. Уильям тем временем слегка прокашливается и, кивнув Саше, набирает в легкие воздух и приятным голосом начинает петь марш британских гренадеров.

Трое алкашей на лавочке у подъезда о чем-то разговаривают, громко и хрипло смеются. Они уже поднимают граненые стаканы, чтобы чокнуться ими, когда с первого этажа до них доносятся заключительные строки оглушительного припева: «With a tow, row, row, row, row, row, for the British Grenadiers!»

Мужики на лавочке от изумления раскрывают рты и оборачиваются на звук. Поднятые руки со стаканами так и застывают в воздухе.

Саша сидит за своим рабочим столом. Рядом с ним, прислонившись к стене, стоит молодой человек и внимательно слушает Сашу, делая небольшие глотки из кружки у себя в руках.

– Да, а больше всего на него произвел впечатление обыкновенный коньяк московского разлива, который ему очень понравился, – говорит Саша с немного обескураженным видом. – Он сказал, что всю жизнь мечтал пить коньяк, а не виски.

– Так он наш человек! – со смехом произносит Сашин приятель. – Подумать только... Что-нибудь еще он рассказал?

– Вспоминал, как его прапрапрадед был в Балаклаве и прекрасно запомнил это название, потому что там был ужасный холод и солдатам приходилось носить глубокие вязаные шапки с прорезями для глаз, которые поэтому и называли позже балаклавами.

– Дааа, – мечтательно произносит парень. – А ты теперь когда к ним поедешь?

– Мне нужно несколько дней в городе посидеть, чтобы с работой закончить, – отвечает ему Саша, отвернувшись к экрану компьютера. – К концу недели поеду.

– Везет тебе, – вздыхает молодой человек.

Саша задумчиво смотрит на своего приятеля, а затем поворачивается в сторону.

Сашина машина останавливается у подъезда блочной пятиэтажки. На лавочке напротив подъезда опять сидят трое местных алкашей.

Саша выходит из машины, берет с собой сумку и идет по направлению к входу в подъезд.

Внезапно дорогу ему преграждает толстый мужчина, который кажется Саше в этот раз гораздо агрессивнее и в большем подпитии.

Мужчина переводит мутный взгляд с припаркованной машины на Сашу, качает головой и замахивается для удара.

– Я ж те говорил вроде, мужик...

Кулак не успевает достать Сашу: тот отходит в сторону и алкаш промахивается. Но его подсуетившийся друг хватается за Сашу сзади и отводит ему руки. Самый худой из троицы в это время стоит в стороне, подначивая остальных.

Толстяк успевает заехать Саше по лицу, второй удар приходится в бок. Но Саше удается вырваться. Он отходит в сторону, немного согнувшись от боли.

Неожиданно рядом с алкашами оказывается Уильям. Одному из нападающих он резко ударяет ногой в колено, заставив того с проклятиями упасть, затем разворачивает к себе самого толстого и наносит одновременный удар по ушам ладонями обеих рук, оглушив его.

Самый худой успеваает сбежать, молнией перескочив рукотворный садик и скрывшись за домом.

Уильям подходит к Саше, который к этому моменту успеваает выпрямиться, бережно хватает его под мышку и ведет к входу в подъезд мимо поверженных алкашей. Саша исподлобья бросает на англичанина благодарный взгляд, потом останавливается и оборачивается.

Позади них мужики начинают приходить в себя: они уже неуклюже поднимаются на ноги, кряхтя от усилий.

– Откуда вы все это знаете? – спрашивает Саша, кивая в сторону поверженных гуляк.

– I'm a british grenadier! – улыбается в ответ Уильям и помогает Саше зайти в подъезд.

Саша сидит на стуле в большой комнате, запрокинув голову. На столе аптечка и открытый пузырек с перекисью водорода. Сашина мама тщательно обрабатывает ваткой свежий синяк на скуле сына.

– Саша, не ожидала, что все так сложится... – говорит мама. – К нам еще на днях приходил милиционер.

– Что еще случилось? – обреченно спрашивает он и морщится.

– Соседям не нравится, что Уильям живет здесь, – мама отнимает от Сашиного лица ватку и обиженно смотрит на сына.

– Что этим хроникам может не нравиться? – раздраженно спрашивает он.

– Им не нравится, что он громко поет, – она продолжает обрабатывать синяк. – Каждый вечер он ест ростбиф, пьет коньяк и поет свою песню. Не знаю, чем это вызвано, но эта песня почему-то очень злит всех местных... Они считают, что он буянит, орет, поэтому вот даже пожаловались участковому, чтобы он Уильяма приструнил.

Из коридора показывается Уильям и безмятежно прислоняется к дверному косяку.

– Когда пришел участковый, – продолжает мама, придерживая голову сына, – у него полезли глаза на лоб от того, что это поет англичанин, даже не на русском языке. – Легкая улыбка трогает ее губы. – Они очень мило поговорили, и Уильям даже спел ему эту песню.

Саша переводит взгляд с матери на стоящего в дверях англичанина. Тот смотрит в сторону и широко улыбается своим мыслям.

На лавочке около подъезда неподвижно сидят три старушки с суровым выражением на лицах.

– Вот Валька-то... – говорит одна из них. – Съездила в Англию свою и такого же алкаша, как здесь, нашла. Зачем в Англию надо было ехать? Песни орет, а вчера Ваську отдубасил: тот второй день ничего не слышит толком.

– Еще и дерется вдобавок, – не расслышав ничего, добавляет вторая.

Третья старушка просто обернулась к ним, а потом энергично закивала головой, неизвестно с чем соглашаясь.

Сашина мама стоит у окна на кухне и задумчиво смотрит наружу.

В комнату заходит Саша и ставит на стол кружку.

– Саш, ты посмотри: ограда давно сгнила уже, надо починить. Положить несколько кирпичей, чтобы совсем не развалилась, и только.

– Хорошо, мам, только где эти кирпичи взять-то? – с сомнением произносит Саша.

– Сходите с Уильямом до старого господского дома, там должен был еще кирпич остаться, не весь же его на завод потратили.

– Если только не разворовали, – невесело улыбается Саша.

Саша и Уильям выходят из подъезда, проходят мимо сидящих на лавочке старушек и рукотворного садика, в котором подрезает растения местная жительница.

Уильям с Сашей подходят к живописным развалинам старой усадьбы. Англичанин с молотком в руке заинтересованно осматривает давно заросшие очертания фундамента и все вокруг и шумно вдыхает свежий воздух.

– До революции здесь был родовой дом помещиков Терлецких, – сказал Саша. – Его разграбили еще в двадцатые годы. Потом построили сначала коровники, потом употребили его в фундамент завода.

Уильям оборачивается к Саше и кивает ему.

В одном углублении, похожем на овражек, осталась часть кирпичной кладки с довольно еще приличным кирпичом и какими-то округлыми отверстиями.

Уильям бодро подходит к этой кладке, замахивается молотком и выбивает три-четыре кирпича. Саша поднимает их, отряхивает от грязи и кладет в сумку. Уильям замахивается снова и выбивает еще один кирпич. Вынимая его из кладки, замечает какой-то блеск.

Саша помогает Уильяму достать то, что они нашли.

– Ты посмотри... – удивленно говорит Саша.

Перед ними лежит жестяная коробка, на которой дореволюционным шрифтом написано «Пастила Эйнемъ». Уильям с величайшим удивлением на лице берет коробку в руки и легонько встряхивает: внутри явно лежит что-то тяжелое.

Саша кладет жестяную коробку на стол в большой комнате. Уильям садится на стул рядом.

Мама аккуратно открывает коробку, и они все заглядывают внутрь. Там лежит полуистлевшая пачка писем и что-то завернутое в тряпочку.

Сашина мама аккуратно разворачивает первое письмо. Рядом с ней с одной стороны стоит нахмурившийся Саша, с другой – улыбающийся Уильям.

Усадьба Терлецких, 1918 год. Вечер.

Просторная комната. За столом женщина средних лет пишет письмо. За закрытой дверью раздаются громкие голоса, слышны

распоряжения, шум, суета. С громким топотом кто-то пробегает по коридору.

Женщина вздрагивает, отрывается от письма и испуганно смотрит на дверь. Потом успокаивается и продолжает писать.

Звучит закадровый женский голос:

– Милый Андрюша, обстановка очень усложняется. Усадьбу нашу грабили уже дважды, и мы вынуждены уехать. Если ты читаешь это письмо, значит, ты его нашел в нашем условленном месте. Я оставляю тебе несколько дорогих писем и кое-что на память от прадедушки. Ты же помнишь Андрея Павловича? Помнишь, наверное, как он любил качать тебя на коленях, напевая английский марш... Оставляю тебе его серебряные часы. Будь здоров, Андрюшенька, увидимся. Твоя сестра Мими.

Женщина берет со стола карманные часы, заворачивает их в носовой платок и кладет вместе с письмами в жестяную коробку из-под пастилы «Эйнемъ». Плотно закрыв коробку, она подходит к печке, выдвигает сбоку один кирпич, прячет коробку в тайник, возвращает кирпич на место и садится обратно за стол, поправляя волосы. Затем она берет со стола фотографию и всматривается в нее.

На фотографии изображены двое улыбающихся солдат, сидящих вместе: один из них одет в военную форму русской императорской армии, другой – в военную форму Великобритании.

Сашина мама бережно разворачивает тряпочку, и в руке у нее оказываются потемневшие от времени карманные часы-луковица с двумя крышками и кольцом для цепочки.

– Уильям, – говорит мама. – Посмотри.

Она передает часы Уильяму, тот пытается их открыть. Крышка поддается плохо. Наконец Уильям поддевает верхнюю крышку и открывает ее. На ней написано: «Sergeant William Powell, 3rd Battalion, the 1st (or Grenadier) Regiment of Foot Guards, 1856».

За кадром звучит марш британских гренадеров. ♦